

Едва ли возможно признать справедливой точку зрения тех ученых, которые считают, что древнеевропейская гидронимия – это субстрат, усвоенный различными народами от периода древнеевропейской языковой общности и сохранившийся в эпоху более поздних передвижений отдельных народов, которые переносили древние индоевропейские названия на новые территории (Р. А. Агеева). Если мы говорим о наличии древнеевропейских гидронимов, например в немецкой языковой области, то, несмотря на значительное количество нарицательных имен неиндоевропейского происхождения в немецком языке, наукой еще не доказано их субстратное происхождение. Следовательно, мы не можем считать древнеевропейские гидронимы субстратом. Что же касается переноса древнейших гидронимов на новые территории, то это вполне допустимо, однако еще не выяснено, где была прародина индоевропейцев и каковы пути их дальнейшей миграции.

Думается, что проблема древнеевропейской гидронимии далека от окончательного разрешения. Мы пока не знаем, какие структурные и семантические типы в ней преобладали. Видимо, следует признать поэтапность и преемственность в развитии древнеевропейских гидронимов, но не в том смысле, который вкладывал в это понятие Г. Краз: поэтапность следует понимать как возможность выделения в древнеевропейской гидронимии некоторых стратиграфических пластов. Древнеевропейская гидронимия представляется нам не отдельным умозрительным синхроническим срезом, а диахронически состоящей из различных пластов, которые еще предстоит выделить.

Е. Л. Березович (Екатеринбург),
И. А. Седакова (Москва)

«Шкурный интерес»: семантическое развитие **kož-* и **skor-* в этнолингвистической перспективе

Гнезда **kož-* и **skor-* в славянских языках демонстрируют широкий спектр значений и богатую фразеологию. Изучение этих гнезд представляет интерес в различных аспектах, например в дистрибутивном: в отдельных языках различна представленность данных корней (так, в болгарском отсутствуют дериваты **skor-*, в украинском редки дериваты **kož-*) и объем значений («кожа человека» – «кожа животного», «необработанная кожа» – «обработанная кожа», «кожа» – «мех»). Этот аспект останется за рамками настоящего доклада, в котором лексика данных гнезд будет анализироваться с этнолингвистических позиций.

Имея различные этимологические значения («козья шкура» для **kož-*, «кора» для **skor-*), данные корни обладают общей базовой семой «оболочка», которая конкретизируется в различных направлениях («кожура», «скорлупа», «шкурка», «кора» и др.) и открывает большие возможности для символического переосмысления. Вторичные значения дериватов **kož-* и **skor-* во многом совпадают, но в том

случае, когда в языке представлены оба корня (например, в русском), продолжения **skor*- более экспрессивны и чаще используются в выражениях с негативной семантикой – очевидно, из-за прозрачной соотнесенности с животными, «дикой» природой в противовес культуре, а также звукосемантических возможностей корня (в варианте с начальным *š*).

По своим прямым значениям «кожа» и «шкура» принадлежат к сфере соматики, но занимают в ряду соматизмов особое место: кожа (шкура) покрывает своего носителя целиком (рус. *Человек Божий обшит кожей*), не являясь в буквальном смысле «частью тела». Отсюда метонимические обозначения человека или животного вообще: рус. омск. *кожица* ‘маленький ребенок’, тюмен. *шкура* ‘медведь’, болг. *твоята кожа* ‘восклицание, выражающее сильное недовольство, злость и угрозу’ и др. (ср. также описанную в сказках способность сброшенной шкуры «воссоздавать» своего обладателя).

Кожа выполняет защитную, охранную функцию – и вместе с тем подвержена повреждениям, «ранима». Она непроницаема и проницаема; отделяема и неотделима от человека или животного. Она служит границей между внешним и внутренним, чужим и своим. «Двусторонность» кожи, ее «пограничность» задает смысловую, мотивационную и аксиологическую амбивалентность лексики, образованной на базе **kož-* и **skor-*.

Будучи своеобразным двойником своего «владельца» («носителя»), кожа служит индикатором состояния здоровья (словац. *je v zlēj koži* ‘он болен’, серб. *не бити у доброј кожи* ‘плохо себя чувствовать’; ср. также «трупные» пятна на коже, предвещающие смерть), она определяет антропологический статус человека (*цвет кожи* является расовым признаком), а также «работает» на создание эталона красоты (рус. яросл. *кожистый* ‘хорошо сложенный (о фигуре)’, хорв. *koža* ‘о телесной красоте’). Кожа обеспечивает сходство людей друг с другом (болг. *одрал съм кожата на някого* ‘о сходстве – чаще всего с отцом’, рус. перм. *кожа да (и) рожа* ‘вылитый в юго-л., очень похожий’, блр. *пахожы як пантоплі з адной кожи*), и даже их отдаленное родство или «некровную» близость (рус. влг. *кожа* ‘любовник’, костр. *кожа* ‘сосед’, екатеринб. *седьмая кожа не вороть* ‘о далекой родне’). Через состояние кожи передаются реакции человека на физические проявления внешнего мира (во всех славянских языках ощущение озноба передается через образ «гусиной кожи», ср. также болг. *мравки лазят по кожата ми* ‘об ознобе’, рус. влг. *воронья кожа* ‘о чыпках на ногах’ и др.).

Значения из области психического демонстрируют способность кожи выражать сущность человека, ср. польск. *pokazywać prawdziwą skórę* ‘обнаруживать свою истинную натуру’. Кожей можно испытывать эмоции – как правило, сильные, интуитивные и неподотчетные (укр. *аж шкура болить* ‘о сильных страданиях, переживаниях’, рус. сиб. *шкуру ерошить* ‘о неприятном чувстве страха’, польск. *skóra na kimś cierpnie*, блр. *шкура шэрхне* ‘его охватывает страх, ужас’, макед. *кожата ми се наежи от страв* ‘кожа моя «съежилась» от страха’ и т. д.), накапливать опыт и знания (болг. *вадена кожа* («дубленая кожа») ‘об очень хитром, практичном и опытном человеке’). Вместе с тем кожа может не пропускать или скрывать, «поглощать» чувства и другие проявления духовной жизни человека (болг. *топя се в кожата си* ‘страдать, сердиться молча, не показывая своих чувств’, рус. перм.

ум ушел в кожу 'утратилась память'). Сила эмоций ставится в зависимость от толщины кожи («толстокожий» – «тонкокожий»).

Кожа (шкура) может символизировать жизнь: во всех славянских языках слова со значением 'кожа', 'шкура' входят в состав фразеологизмов с внутренней формой «спасти свою шкуру (т. е. жизнь)», «травиться за свою шкуру» и др., ср. также чеш. *jde mi o kůži* 'это может стоить ему жизни', словац. *ujst' so zdravou kožou*, серб. *изнети здраву кожу* 'остаться живым и здоровым'. В то же время коже присуща и символика с м е р т и: рус. пск. *пора в кожу* 'пора умирать', влг. *кожей подарить* 'умереть', кашуб. *v ostatné skoře chozęc* 'быть близким к смерти', *przepic skorą* 'пить водку во время поминок за умершего'.

Смысловая амбивалентность проявляется и в выражениях с тождественной внутренней формой, что создает специфическую образную энантиосемию. Показателен образ «в ы х о д а и з к о ж и». С одной стороны, «выйти, вылезти из кожи» – прикладывать к чему-л. особые, сверхчеловеческие усилия, а также быть в аномальном состоянии, не владеть собой (болг. *излизам из кожата си* 'выходить из себя, злиться', блр. *шкуру на сабе не чуць* 'быть распушенными, хулиганить (о детях)', рус. влг. *из кожи выскакивать* 'биться в припадке эпилепсии' и др.); с другой стороны, «выйти из кожи» – занять взвешенную, зрелую позицию по отношению к себе и своей жизни (рус. пск. *выйти со своей кожей* 'взглянуть на себя со стороны, объективно оценить себя', перм. *из кожи выплутиться* 'созреть; определиться в жизни'). Значит, кожа задает человеку рамки самообладания, но вместе с тем может помешать трезвому самоопределению.

Противоречивы и оценки, стоящие за изучаемой лексикой. Так, «у з н а т ь к о г о - л . ч е р е з к о ж у», «п р о н и к н у т ь к о м у - л . п о д к о ж у» – обрести близкого человека – и тогда оценка положительна: серб. *подвући се под кожу* 'стать очень близким, дорогим кому-л.', рус. арх. *кожа* 'лучшая подруга', хорв. *из кожи* 'очень близко (быть к кому-л.)'. Но такое проникновение может означать нарушение личного пространства, дающее негативную оценку: болг. *навирам се под кожата* 'манипулировать кем-то', серб. *подвући се под кожу* 'подольститься к кому-л.', рус. *лезть под кожу* 'бестактно расспрашивать, задевать больные места'.

Важный аспект организации изучаемого семантического пространства – системные отношения «шкурной» лексики, проявляемые как на уровне парадигматики (болг. *яка ми кожа = яка ми душа* 'мне предстоит тяжелое испытание', укр. *тягти жили з кого-н. = тягти шкуру з кого-н.* 'сильно эксплуатировать кого-л.', рус. влг. *кожаный язык* 'человек, который невнятно говорит' – арх. *мясной язык* 'человек с правильной речью'), так и синтагматики (серб. *бити крвав под кожом* 'быть как остальные люди, иметь людские слабости', блр. *лой шкуру над'ядае* 'проявлять норы, капризничать', болг. *едва му кожата костите държи* 'он еле стоит на ногах'). Наиболее частые партнеры *кожи* – *кости, жилы, кровь, «рожка», мясо, жир (лой), ребра*. Изучив партнерские отношения, можно представить своеобразный наивно-анатомический «поперечный» срез тела, обнаруживающий символические функции кожи в сравнении с другими органами (так, кровь символизирует родство, а кожа – любовь и дружбу). Интересны и междиалектные системные отношения, когда «коже» может соответствовать нулевой позиция или другой соматизм,

ср. макед. *Ja спаси кожата* 'спасти свою жизнь, выйти целым и невредимым', 'унести ноги' (отметим, что рус. *спасти свою кожу* имеет несколько иную семантику и прагматику).

Языковой образ кожи/шкуры тесно связан с этнографическим – как «материальным», бытовым, так и ритуально-символическим. Словесное описание магического акта (с применением *шкура*) может порождать фразеологию: так, болгарское выражение *наложили го в кожи* 'он сильно избит, весь в синяках' отражает народно-медицинский прием лечения от ушибов, когда с овцы сдирают кожу и заворачивают в нее ударенного.

В ритуальных практиках кодируются различные свойства *шкура* и *кожи*, которые актуализируют многообразную символику и функциональную направленность обрядов. *Шкура* – распространенная «одежда» ряженных, что акцентирует связь с потусторонним миром; на *шкура* садятся во время гаданий, пытаются установить контакт с нечистой силой; *шкура*, на которой сидят молодожены за свадебным столом, символизирует плодородие и благополучие; и т. п. Особые магические действия с кожей младенца способны запрограммировать ее «правильный» запах и цвет (ср. южнославянский ритуал соления младенца). Воздействие же на кожу умерших (прокалывание пяток, протыкание осиновым колом для нарушения целостности кожного покрова) ставит своей целью предотвратить превращение их в ходячих покойников и вампиров.

В языке, фольклоре и ритуально-обрядовой практике находят отражение также визуальный (цвет, наличие/отсутствие высыпаний), одорический («чужие» запахи), тактильный (гладкость/шершавость, отсутствие/наличие волосяного покрова) образы *кожи*.

М. В. Богачева
Пермь

Отпрозвищные ойконимы как источник аксиологической информации*

1. Рассмотрен один фрагмент языковой картины мира, отражаемой в именах собственных, – в ойконимии Пермского края. В качестве материала для исследования выбраны ойконы, восходящие к лексике тематической группы «Говорение». Говорение – один из наиболее значимых в жизни процессов, что отражается в количественных показателях: выявлено порядка 500 соответствующих топонимов (около 5 % всех названий местных поселений).

2. Исследования Л. М. Васильева, Ф. Л. Скитовой, А. Д. Черенковой и др., а затем

* Исследование выполнено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (РНП 2.1.3/483, РНП 2.1.3/2175), РФНФ (проекты №№ 08-04-82404 а/У, 08-04-82408 а/У, 08-04-82410 а/У, 09-04-82403 а/У).